ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЙ ГЕСС и ГОСУДАРСТВО-ПРИЗРАК

<— А.М. БУЯКОВ, историк, занимается изучением деятельности владивостокского охранного отделения, русской разведки и контрразведки на Дальнем Востоке в дореволюционный период, работает директором научно- информационного центра "ОРИЕНТ"(ДВГУ).

А.В.ПОЛУТОВ, историк-востоковед, занимается историей японской разведки, работает заместителем директора научно-информационного центра "ОРИЕНТ".(ДВГУ) ——>

Проблемы истории советского общества интересуют сегодня многих. Медленно исчезают "белые пятна" истории, к которым относится и загадочное бегство бывшего начальника УНКВД по Дальневосточному краю Г.С. Люшкова в Маньчжурию. Об этом уже писали в "Аргументах и фактах", газеты "Труд" и "Тихоокеанская звезда". Судьбе Люшкова посвящена книга японского исследователя Е. Хиямы, перевод которой опубликован журналом "Проблемы Дальнего Востока" в 1990 году. В данной публикации описываются драматические эпизоды разведывательной войны, развернувшейся на Советском Дальнем Востоке и в Маньчжурии в 30-е и 40-е годы. Документальные очерки заставляют по-новому взглянуть на перипетии борьбы советской и японской разведок: побег и предательство сотрудника НКВД Генриха Люшкова, арест и загадка гибели легендарного разведчика Рихарда Зорге, еврейское государство в Китае, секреты русских фашистов, советская агентура в Харбине и Дайрене. На основе советских и японских архивных документов раскрываются закулисные интриги великих держав в предвоенное и военное время, орудием которых были спецслужбы США, Японии, Германии, Чан Кайши, Мао Дзэдуна, Ким Ирсена и Сталина. Авторы не претендуют на полноту и однозначность подхода и оценок к политическим и иным событиям того времени. Они предлагают свою версию, основанную на документах советских архивов и архивов японской разведки, воспоминаниях, книгах и статьях иностранных исследователей, и будут благодарны читателям за критику и отклики.

1. "Советский делегат"

ОФИЦИАЛЬНАЯ БИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Генрих Самойлович Люшков родился в г.Одессе в феврале 1900 года в семье портного-кустаря. Учился в шестиклассном начальном училище. Затем с 1916 года работал в ряде частных предприятий на конторской работе. Одновременно посещал вечерние общеобразовательные курсы.

С начала революции 1917 года под влиянием брата- большевика, рабочего-металлиста (впоследствии он был убит махновцами в 1919 году), примкнул к революционному движению и в июле 1917 года был принят в партию Одесским общегородским комитетом большевиков. В декабре 1917 г. и в январе 1918 г. участвовал в боях за установление Советской власти в Одессе.

В 1918 году с приходом немцев на Украину работал в большевистском подполье в г.Одессе. С начала 1919 г. вступает в Красную Армию политработником 1-го Крымского полка. В апреле 1919 года командируется на Центральные военно-политические курсы Наркомвоенмора Украины. Вместе с курсами перебрасывается летом 1919 года в составе Сводного отряда курсантов на петлюровский фронт под Жмеринку. По выпуске с курсов в сентябре 1919 года направляется в качестве политработника в 1-ю отдельную стрелковую бригаду 14-й армии, с которой выступает на деникинский фронт - Брянское направление.

С этой бригадой прошел весь боевой путь. После переформирования ее во 2-ю стрелковую бригаду 57 дивизии был назначен секретарем политотдела бригады, затем начальником политотдела бригады.

С этой же бригадой был переброшен на польский фронт - Мозырское и Речицкое направление.

С 1920 года до последнего времени работает в органах ЧК на руководящей партийной работе на Украине и в Москве, затем начальником Управления НКВД по Азово-Черноморскому краю.

С августа 1937 года назначен начальником Управления НКВД Дальневосточного края. Во время работы в Азово-Черноморском крае под руководством тов.Люшкова были разоблачены троцкистско-бухаринские шпионы, пролезшие в партийный и советский аппарат.

За короткое пребывание тов.Люшкова на Дальнем Востоке он также развернул активную борьбу с троцкистско-бухаринскими, японо-немецкими шпионами и диверсантами.

На фронтах и в борьбе с бандитизмом был два раза ранен и один раз контужен.

За самоотверженное выполнение заданий правительства награжден высшей наградой СССР - орденом Ленина.

Награжден также за успешную борьбу с контрреволюцией: Всеукраинским ЦИКом - боевым оружием, Коллегией ОГПУ - двумя знаками почетного чекиста и другими боевыми наградами.

До приезда на Дальний Восток являлся членом бюро крайкома ВКП(б) и членом президиума крайисполкома Азово-Черноморского края.

В данное время является членом бюро крайкома и членом президиума крайисполкома Дальневосточного края.

12 декабря 1937 года депутатом Верховного Совета СССР от Камчатско-Колымского округа Дальневосточного края был избран Люшков Генрих Самойлович, "один из лучших представителей железной когорты чекистов". Перед выборами была опубликована биографическая справка Г.С.Люшкова, один из немногих открытых документов, позволяющих проследить жизненный путь этого человека, с чьим именем сейчас связывают план покушения японской разведки на Сталина и который 9 декабря 1937 года писал: "Я заверяю своих избирателей, что буду, как и до сих пор, верным и преданным своему народу, своей партии и вождю народов великому Сталину."

1 июля 1938 года информационный отдел военного министерства Японии дал лаконичное сообщение для прессы: "Опасаясь за

свою судьбу ввиду проводимой в Советском Союзе чистки, начальник Управления НКВД СССР по Приморскому краю комиссар государственной безопасности 3 ранга (что соответствует чину генерал-майора) Люшков Генрих Самойлович в поисках защиты у нашего государства около 5 часов 30 минут 13 июня перешел границу Маньчжоу-Го в районе Консюна и был задержан маньчжурской пограничной охраной".

Накануне, прибыв на поезде из Хабаровска в Ворошилов (ныне Уссурийск. - Авторы), он встретился с ВРИО начальника Управления НКВД по Уссурийской области капитаном ГБ Давыдовым и представителями штаба Приморской группы войск ОКДВА.

На автомобиле областного Управления НКВД Люшков вместе с заместителем начальника Иностранного отдела (ИНО) УНКВД по Дальневосточному краю лейтенантом ГБ К.Н.Стрелковым выехал в Посьет. По другим данным, Люшкова сопровождал еще один человек - майор ГБ, фамилия которого неизвестна.

В Посьете он встретился с начальником 59-го погранотряда К.Е.Гребенником, от которого высокий гость выслушал подробный доклад об оперативной обстановке на границе. Его содержание вполне удовлетворило Люшкова, подтвердив правильность сделанного в Хабаровске (или в Москве?) выбора: перейти границу на этом участке.

Начальник Управления НКВД по Дальневосточному краю тщательно готовился к побегу, хотя почему-то считается, что его бегство за кордон было поспешным. Люшков, изредка бывая на различных участках советско-маньчжурской границы, ознакомился с системой охраны и оперативного прикрытия с обеих сторон, и на его выбор повлияло следующее. С одной стороны, в Консюне (Хунчунь) находился штаб одного из крупных подразделений Квантунской армии и, что более важно, пограничный разведывательный пункт (ПРП) Японской военной миссии (ЯВМ) в Харбине. С другой, на посьетском участке границы не было естественных преград, здесь шли тайные тропы агентов, контрабандистов и перебежчиков.

Итак, Люшков выбрал "Посьетский вариант" и убедительный предлог: встреча с закордонным агентом ИНО УНКВД, имевшим доступ к ценным источникам информации в штабе Квантунской армии и высшей администрации Маньчжоу-Го. О встрече с агентом был предупрежден, о чем Люшков заранее позаботился, начальник Посьетского погранотряда.

О визите Люшкова на границу знал только узкий круг лиц, и еще долго после его побега они хранили молчание. В неведении оставалось и Управление НКВД по Дальнему Востоку, кроме тех, кто проводил секретное расследование. Заместитель наркома НКВД СССР комкор М.Фриновский по заданию ЦК ВКП(б) и НКВД СССР занялся этим "таинственным" делом и выехал в начале июля на Дальний Восток.

В ночь с 23 на 24 июля 1938 года на оперативном совещании руководства Приморского областного управления НКВД Фриновский многозначительно сказал: "Прежде всего ищите врагов среди самих себя..." Истинный смысл этих слов стал понятен после того, как водный отдел Приморского НКВД получил от своей агентуры японскую прессу с сообщениями о побеге Люшкова.

В августе 1938 года в Японии вышел специальный номер журнала "Кайдзо"("Перестройка"), предавший гласности обстоятельства и детали побега комиссара

(Продолжение на 81 стр.)

государственной безопасности III ранга Генриха Люшкова. Но советский официоз продолжал хранить молчание, а для большинства дальневосточных чекистов и избирателей судьба их бывшего начальника и депутата оставалась тайной за семью печатями.

Мураками Ситиро, в статье "Современный этап чистки в Советском Союзе", писал: "Уже один тот факт, что внешне советская сторона восприняла побег Люшкова сравнительно спокойно, даже сделав вид, что никакого перехода границы вообще как бы не было, явно указывает на глубокие внутренние потрясения, которые за этим скрываются. Переход Люшковым советской государственной границы явно один из примеров полного политического саморазоблачения. Для тех, кто знаком с обстановкой в Советском Союзе, в частности, с последними политическими событиями на Дальнем Востоке, этот инцидент не выглядит таким уж неожиданным. Скорее наоборот, он даже представляется в определенной мере неизбежным." В те годы на весь мир прогремели имена "японских шпионов и изменников" Тухачевского, Якира, Путны, Гамарника и других. А бывший начальник и тезка Люшкова Г.Г.Ягода, по словам А.Я.Вышинского, "как мухами, был облеплен германскими, японскими и польскими шпионами, которых он не только прикрывал.., но через которых он вел шпионскую работу." А Люшков исчез с политического небосклона, будто его никогда и не было.

Получив назначение на Дальний Восток, Люшков, как тогда было принято, привез с собой свою команду, для которой освободил место испытанным способом, расстреляв чекистов, занимавших ключевые посты в Краевом управлении НКВД. Эта "команда" должна была быть обречена на смерть за "пособничество изменнику Родины", но ее членов арестовали совершенно по другому обвинению, "за участие в антисоветской право-троцкистской террористической организации в органах НКВД по ДВК", в которой они якобы состояли.

По прямому указанию Москвы были арестованы заместители начальника управления М.А.Каган, Г.М.Осинин-Виницкий, заместитель начальника 3 отдела УГБ УНКВД по ДВК М.П.Рысенко и другие, среди которых были ответственные сотрудники А.М.Малкевич и Малахов. Каган, Осинин-Виницкий и Рысенко были расстреляны. Но никому из них связь с Люшковым в вину не вменялась...

Аллен Даллес, давая характеристику спецслужб в период между двумя мировыми войнами, отмечал: "Разведывательная служба стала в руках новых диктатур - в Германии, Италии, Японии и СССР - главным их орудием в зондировании почвы за границей для подготовки и осуществления экспансии за пределы собственной страны". ФАНТАСТИЧЕСКАЯ ВЕРСИЯ В ДЕЛЕ ЛЮШКОВА ИЛИ ЖЕ ПРОВАЛ (УДАЧА) БЛЕСТЯЩЕ ЗАДУМАННОЙ ОПЕРАЦИИ НКВД? Попробуем разобраться в хитроумном переплетении политических устремлений, дипломатических интриг и разведывательных операций.

Почему Советский Союз молчал о бегстве Люшкова? Люшкова нельзя сравнивать с невозвращенцами Вальтером Кривицким, Александром Орловым и Федором Раскольниковым. Г.С.Люшков занимал высшие посты в советской номенклатуре, и в случае предания гласности факта его побега машина сталинской пропаганды внутри страны могла оказаться парализованной. В то же время "железный занавес" позволял надежно перекрыть все каналы проникновения в СССР нежелательной информации.

Сталину были чужды приемы западной дипломатии с ее джентльменскими соглашениями и конфиденциальным сепаратизмом. Он предпочитал политические провокации, в осуществлении которых подначторел НКВД. Миссия Люшкова в Мань-

чжоу-Го к японцам была крупномасштабной, заранее запланированной акцией Сталина и его окружения, сравнимая с перелетом ближайшего соратника Гитлера, Рудольфа Гесса, из Германии в Англию. Английские архивы будут хранить молчание об этом событии еще 30 лет. Сколько же пройдет времени у нас, прежде чем мы узнаем правду о Люшкове?

Если Гесс в своей неудавшейся миссии преследовал конкрентную цель - заключить сепаратный мир между Черчиллем и Гитлером, то решение каких же задач возлагалось на комиссара госбезопасности III ранга Генриха Самойловича Люшкова?

ОФИЦИАЛЬНАЯ ВЕРСИЯ ГЛАСИТ, ЧТО ПРИЧИНОЙ ПОБЕГА ЛЮШКОВА СТАЛ ЕГО ПРЕДПОЛАГАВШИЙСЯ АРЕСТ. Люшков за несколько дней до бегства узнал о предстоящем приезде в Хабаровск бывшего начальника Новосибирского управления НКВД старшего майора ГБ Г.Ф.Горбача и вполне мог предположить, что тот едет его сменить на посту начальника УНКВД по ДВК. Как происходит такая "смена", Люшков прекрасно знал, ибо сам "сменил" своего предшественника, комиссара госбезопасности I ранга Т.Д.Дерибаса. Но Генрих Самойлович узнал о предстоящем приезде Горбача не накануне побега, а гораздо раньше, в мае 1938 года, что подтверждается документальными источниками.

Если следовать той же версии, то решение о побеге у Люшкова созрело в течение буквально 2-3 дней. Но за это время комиссар госбезопасности просто не смог бы отработать версию о встрече с агентом, не навлекая на себя подозрений. Любые контакты руководства с агентурой, включая экстренные случаи, требовали заблаговременной и тщательной подготовки.

Среди агентов было много двойников, перед которыми японская разведка ставила задачи по заманиванию сотрудников госбезопасности на свою территорию или их убийство. Кто бы мог допустить рискованную встречу вблизи границы, не обеспечив заранее прикрытие, тем более что на нее шел "главный чекист Дальнего Востока"?

Люшков оставил после себя записки, в которых он постарался обосновать, прежде всего для японцев, причины своего "внезапного" бегства. "Сегодня в Советском Союзе стало общим правилом, что вызов в Москву работников, занимающих руководящее положение, обычно заканчивается их арестом и исчезновением. Например, только в последнее время были вызваны в Москву и затем арестованы бывший начальник Управления НКВД по Ленинградской области Заковский и бывший член коллегии НКВД Украинской ССР Лепревский,- писал Люшков. - Члены коллегии НКВД Белорусской ССР Берман и Свердлов также были вызваны в Москву, и можно полагать, что их постигнет аналогичная участь (в отношении двух последних Люшков заблуждался. Они были арестованы гораздо позже. - Авторы). Все они из числа старых чекистов, оставшихся в живых к настоящему времени. Поскольку я тоже принадлежу к этой группе, то интуитивно чувствую, что рано или поздно меня ждет такая же страшная участь."

"Страх старого чекиста перед своей страшной участью" - это вводная часть легенды Люшкова. Учитывая обстановку массовых репрессий, где жертвой мог стать любой, его ночное бегство выглядит вполне правдоподобно. Японцы скрупулезно изучили все обстоятельства перехода границы и поверили Люшкову. "Париж стоил мессы", только смотря для кого?

"Черноморская команда" арестована и частью расстреляна, семья предателя репрессирована, сопровождавшие к границе начальника УНКВД по ДВК лица сняты со

своих постов и арестованы. Все это говорило в пользу комиссара госбезопасности. Косвенным подтверждением искренности Люшкова стали агентурные донесения из Москвы и Хабаровска, записи прослушивания телефонных разговоров советских пограничников и неясные слухи об "измене в НКВД".

В конце 50-х годов к архивно-следственным делам людей из "команды Люшкова" вернулись "по вновь открывшимся обстоятельствам", и в них появились копии документов, связанные с побегом и гибелью Люшкова. Правда, осталась неизвестной дальнейшая судьба арестованных Гребенника и Стрелкова, от которых в 1938 году добивались "правдивых показаний о их содействии в бегстве за границу изменнику Родины". Но тогда же вдруг выяснилось, что семья Люшкова, жена и ребенок, не были репрессированы, а проживали под другой фамилией в небольшом городке под неусыпным надзором сотрудников НКВД. А главное, стало известно, что вообще не был арестован и репрессирован водитель начальника Управления НКВД по Уссурийской области.

Как выяснилось, водителя допросили об обстоятельствах побега, взяли подписку о неразглашении "государственной тайны" и незамедлительно уволили из органов НКВД. Еще недавно он пребывал в добром здравии, проживая в одном из городов Приморья, и на его свидетельства мы будем еще не раз ссылаться в ходе нашего повествования.

Ранним утром 11 июля 1938 года ВРИО начальника УНКВД Уссурийской области Давыдов приказал своему шоферу встретить хабаровский поезд, на котором должен был прибыть начальник УНКВД по ДВК с сопровождавшими его лицами. Водитель прождал около часа, а затем вернулся в управление, где от Давыдова узнал, что хабаровское начальство приедет завтра. Встречая на следующий день Люшкова, водителю бросились в глаза увесистый кожаный баул в руках у лейтенанта ГБ и небольшой рюкзак на плече у комиссара госбезопасности III ранга.

Заехав в управление, Люшков провел необычно короткое совещание в кабинете у Давыдова и сразу же отбыл в Посьет. Дорога туда занимала около 4 часов, и Люшков, нервно поторапливая шофера и делая замечания по поводу его неопрятного вида и грязи в машине, приказывал ехать быстрее.

В Посьете Люшкова уже ждали, там он, заслушав доклад Гребенника в штабе погранотряда, пробыл недолго. Генрих Самойлович очень хотел еще засветло проехать по погранзаставам. Ближе к вечеру машина остановилась в лесу близ границы, и водителю приказали приготовить ужин. Комиссар III ранга, майор и лейтенант госбезопасности скрылись в чаще. Спустя час они вернулись, поужинали, выпив две бутылки водки, и легли спать.

В статье С.Николаева "Тайна ночного побега" ("Пограничник Северо-Востока", 17 мая-90 г.) рассказывается о том, как в сторону границы Люшков отправился со Стрелковым, но вскоре их пути разошлись. Люшков пошел к месту встречи с агентом, а Стрелков, по приказу начальника, залег в засаде на расстоянии 300 метров от места встречи. Предрассветная мгла, буйные заросли Уссурийской тайги и складки местности. Кого и как мог прикрывать Стрелков в этих условиях?

Профессиональный разведчик, Стрелков должен был хорошо помнить события 1937 года, когда японскому агенту-двойнику было дано задание при встрече с чекистом уговорить его под благовидным предлогом перейти на маньчжурскую территорию, а в случае неудачи совершить на него нападение, применив наркотики или яд, и таким образом завладеть документами. А у Люшкова с собой было 4000 гоби, достаточная сумма для безбедной жизни, и увесистый

баул с неизвестным для Стрелкова, но явно ценным содержимым.

Из версии С.Николаева полностью выпадает майор ГБ, который утром стал тыкать стволом пистолета ТТ в лицо спавшего мирным сном водителя. Последний несколько минут ничего не мог понять и тем более ответить майору на вопрос, который тот постоянно повторял: "Где Люшков?" В растерянности Стрелков и майор ГБ приняли решение возвращаться в Ворошилов, не заезжая в Посьет. Через несколько часов, после бешеной гонки, они поставили в известность о случившемся капитана ГБ Давыдова, приказав водителю ждать в приемной. Позже Давыдов в беседе с водителем сказал, что, судя по всему, Люшков ушел за кордон и просил об этом никому не говорить. В это время Юсиков Енириф, как записали имя Люшкова японские полицейские, был уже далеко.

"Встреча" с агентом должна была произойти по личному указанию наркома НКВД Н.И.Ежова. Поэтому Люшкова сопровождал майор ГБ, специально посланный из Центра. Посьетский участок границы был одним из самых сложных и опасных, но именно отсюда посланец Сталина и Ежова начал свою миссию. Шел ли он в одиночку почти 6 километров, прежде чем встретился с японскими полицейскими? Этого мы уже никогда не узнаем.

"Советский делегат", как называли в японской разведке перебежчиков из СССР, вышел на просторы Маньчжурии и вскоре под усиленным эскортом прибыл в Хуньчунь, где по решению ПРП ЯВМ был поселен в отеле "Аконта Ямато". Рассказывают, что там он дал свое первое интервью и "безжалостно разоблачил сталинскую безумную деятельность, направленную на борьбу с политическими противниками". В это время в Хабаровске расстреливали "врагов народа" по приговорам, подписанным Люшковым три дня назад.

Если приговоры вписаны в историю запекшейся кровью многочисленных жертв, то следов первых интервью Генриха Люшкова так и не сыскалось. Их просто не было. Восемнадцать дней японская разведка проводила разведывательные опросы самого значительного за всю историю своей борьбы против СССР "советского делегата", прежде чем средства массовой информации опубликовали официальное сообщение военного министерства Японии и журналисты узнали о "противнике Сталина". Тем самым японцы невольно стали "подыгрывать" легенде Люшкова, хотя последний, по мнению американского историка Джона Стефана, "сбежал, чтобы спасти свою шкуру, а не за тем, чтобы отстаивать какие-то убеждения". Вот в это японцы как раз и поверили.

В действительности Люшков не был ни антисталинистом, ни "спасавшим свою шкуру беглецом". Биография комиссара госбезопасности не позволяет ни на минуту усомниться в его преданности режиму, а послужной список свидетельствует о принадлежности к наиболее преданной и активной части нового поколения номенклатуры, безжалостно сменявшей на государственных и партийных постах своих старших соратников.

Быстрый взлет Люшкова в НКВД был связан с его участием в работе следственной группы по делу убийства Кирова, где он смог показать свои высокие профессиональные качества: непримиримость к врагам, классовый подход, умение любыми средствами добиваться намеченной цели. Здесь в полной мере проявилась и его жестокость.

Люшкова заметили в ЦК ВКП(б); на него обратил внимание Сталин, лично контролировавший следствие по делу Кирова. Вскоре Генрих Самойлович был назначен заместителем начальника Секретно-политического отдела Главного управления го-

сударственной безопасности (ГУГБ) НКВД СССР Г.А.Молчанова, человека, отвечавшего за самый важный участок работы органов НКВД - борьбу с врагами народа. Но Молчанову не повезло. В 1937 году он был расстрелян вместе с другими руководящими сотрудниками НКВД по обвинению в троцкистском заговоре и шпионаже.

Люшков же не только сумел избежать участи своего зловещего шефа, но и получил повышение по службе. Он был назначен начальником крупного в масштабах управлений Народного комиссариата внутренних дел Управления НКВД по Азово-Черноморскому краю. Назначение на Дальний Восток и личная беседа со Сталиным и Ежовым перед отъездом в Хабаровск были звеньями одной цепи в восхождении сына бедного еврейского портного на вершины аппарата НКВД и последующего превращения в "советского делегата".

У нас нет личного дела Люшкова с послужным списком и точного психологического портрета, а в его записках причудливо перемешались ложь и правда, правленные рукой японской разведки. Это был человек невысокого роста, средней комплекции с типичным лицом руководителя 30-х годов. Короткая стрижка "полубокс", укрощавшая кудрявую шевелюру, "молотовские" усики, высокий лоб, сдвинутые густые брови и властно сжатый рот с опущенными уголками губ. Таким перед нами предстает Люшков с фотографий советских газет и архивов японской разведки.

На Дальнем Востоке еще многие, кому пришлось пережить ужас сталинских репрессий, не могут без содрогания вспоминать Генриха Люшкова. Миэда Масаюки, начальник маньчжурского отделения отдела контрразведки департамента внутренней службы военного министерства Японии, вспоминал:"Это был человек острого ума, сразу схватывающий все нюансы... Он показал себя совершенно безжалостным, бессердечным человеком... Было достаточно одного взгляда в этот момент (имеется в виду участие Люшкова в допросах захваченной японцами советской агентуры. - Авторы) на лицо Люшкова, чтобы понять: оно жаждет крови... Наверное, его страшно боялись в России. Он был из тех людей, которые не болтают зря и не повторяют дважды один и тот же вопрос. Он ни разу не закричал и не улыбнулся, казалось, он вообще не способен на какие-либо чувства". Классическое описание сотрудника НКВД 30-х годов.

Люшков был сильной личностью, и поэтому ему была поручена миссия проникновения в высшие политические и военные круги Японии. И здесь на сцене вновь появляется увесистый кожаный баул, который нес в руках лейтенант ГБ Стрелков, "мавр", исчезнувший в застенках своей организации.

Из официальной версии "неизвестно, какие оперативнозначимые документы (Люшков. - Авторы) унес в Маньчжурию и там передал их японским властям". Хотя из нее следует, что Люшков "по своему положению был не просто знаком с составом Особой Краснознаменной армии по родам войск, их дислокацией, состоянием приграничных укрепрайонов, но и осведомлен о военно-экономическом потенциале советского Дальнего Востока, в том числе и оборонном строительстве в промышленности. Он наверняка знал взгляды, расчеты, планы военно-политического руководства страны на случай военного конфликта, и в первую очередь с Японией... Люшков был хорошо осведомлен и в вопросах, касавшихся пограничной службы на Дальнем Востоке..."

Не трогая пока военные секреты, унесенные Люшковым, обратимся к драматическим эпизодам войны разведок двух великих держав на дальневосточных рубежах. Комиссар госбезопасности I ранга, Т.Д.Дерибас, сидевший в камере, вряд ли успел официально передать дела своему

"преемнику". В свою очередь, Люшков, специализировавшийся до этого на "врагах народа", не преминул поинтересоваться работой ИНО, "святая святых" органов госбезопасности, деятельность которого всегда была сокрыта от сотрудников других служб и отделов и курировалась непосредственно начальником Управления.

Почти одновременно с назначением Люшкова ИНО УГБ УНКВД по ДВК закончил блестящую операцию "Маки-мираж", которая велась с 1924 по 1938 год. Уже под руководством Генриха Самойловича продолжалась крупная оперативная игра с японской разведкой под кодовым названием "Большой корреспондент", а многочисленные агентурные сводки, отправлявшиеся в Москву, подписывались его рукой. На стол Люшкова ложились документы разведотдела (РО) ОКДВА, за деятельностью которого пристально наблюдали сотрудники НКВД. На оперативных совещаниях Люшкову докладывали о работе закордонной агентуры в Маньчжурии, Китае и Японии, и он принимал решение о проведении агентурно-оперативных мероприятий, посвящая, правда, немало времени и привычному делу "разоблачения врагов народа".

Когда в 1979 году майор КГБ Левченко, а в 1985 году полковник Гордиевский попросили в США и Англии политического убежища, их бегство сопровождалось массовыми провалами агентуры и волной скандалов. Люшков знал гораздо больше. По свидетельствам бывших сотрудников японской разведки, комиссар госбезопасности подробно осветил один из самых волновавших японцев вопросов - деятельность агентуры органов НКВД ДВК в Маньчжурии, Китае и Японии. Начальник разведотдела штаба Корейской армии Онуки Масатака вспоминал: "По его данным (Люшкова. - авторы), сеть агентов НКВД состояла из трех структурных подразделений. Первое охватывало Харбин, Цицикар, Маньчжурию, а руководство размещалось в советском консульстве в Даляне и имело прямую связь с Дальневосточным управлением НКВД. Люшков дал имена всех сотрудников разведки в консульстве в Даляне."

Но была ли эта информация настолько важной? Сотрудники разведки работали с легальных позиций под прикрытием консульства и в худшем случае могли были быть по настоянию японской стороны просто отозваны, а им на смену пришли бы другие. В этом случае японская разведка получила бы лишь подтверждение своих оперативных разработок консульского персонала и установила бы кадровых разведчиков, но не их тщательно законспирированную и малочисленную агентуру.

Люшков коснулся деятельности и двух нелегальных резидентур ИНО УГБ УНКВД по ДВК в Маньчжурии, назвав псевдонимы резидентов "Као" и "Лео", между которыми существовало "разделение труда". Первый занимался подрывными операциями против японцев и имел тесные связи с подпольным маньчжурским ЦК Компартии Китая. Второй осуществлял сбор разведданных о японской армии, деятельности ЯВМ и жизни русских эмигрантов.

Несмотря на "подробные" показания Люшкова, японская разведка и контрразведка не смогли напасть на след и арестовать резидентов НКВД. "Советский делегат" ничего не смог сообщить конкретного, за исключением псевдонимов и характеристики работы. Подлинных имен и фамилий он не знал, кроме того, что "Као" был китайцем, а "Лео" - европейцем. В оправдание чрезмерной скудости информации Люшков неоднократно подчеркивал, что эти резиденты начали свою работу задолго до его назначения в Хабаровск.

В 10 часов утра 5 июля 1938 года в конференц-зале штаба Квантунской армии в Чаньчуне прошло экстренное секретное со-

вещание по вопросам контрразведки с участием Люшкова, доставленного накануне из Токио. Люшков еще раз подробно осветил работу агентуры ИНО в Маньчжурии. По его данным, на этой территории разведывательно-подрывной деятельностью занималось от 150 до 200 советских агентов. К вящему сожалению японцев, бывший комиссар смог назвать имена и фамилии только 20 человек и дать расплывчатые данные еще на 10 агентов.

Однако японские спецслужбы не особенно расстроились, выслушав в очередной раз разоблачительные, но малосодержательные речи Люшкова. Уже упоминавшийся Онуки свидетельствует: "Бегство Люшкова принесло нам в подарок такие материалы, как карта с планом советских приграничных укреплений, карта размещения пограничных отрядов и частей Красной Армии, данные о численности военнослужащих и многое другое, полный чемодан. Там был даже полный список офицеров пограничных отрядов. Благодаря ему мы получили полное представление о Дальневосточной армии. Его сведения имели такую ценность, что не знаю даже, как ее определить..." Содержимое кожаного баула сыграло свою роль, заставив японцев поверить в то, во что они всегда хотели верить.

Оставим на время Люшкова и обратимся к перипетиям борьбы японской разведки против СССР в 30-е годы. 29 марта 1931 г. военный атташе Японии в СССР подполковник Касахара Юкио направил во 2-й отдел Генштаба секретный доклад, в котором он писал: "В виду того, что Японии трудно будет нанести смертельный удар Советскому Союзу путем войны на Дальнем Востоке, особое внимание должно быть уделено тому, чтобы путем подрывной пропаганды вовлечь западных соседей и другие государства в войну против СССР".

14 июля 1932 г. военный атташе Японии в Москве Кавабэ Торасиро в таком же докладе предлагал усилить подготовку к войне с СССР, т.к. "военный конфликт с Советами становится делом ближайшего будущего", и отмечал необходимость "всеми силами вести разведку и осуществлять специальные мероприятия для подрыва военной и политической мощи России." И получил в ответ от своего предшественника, начальника 5-го (русского) отделения 2-го отдела ГШ генерал-майора Касахара Юкио телеграмму: "Подготовка завершена. В целях укрепления Маньчжурии война против России необходима Японии".

31 января 1934 г. военный атташе Японии в Польше подполковник Янагита Гиндзо направил во 2-й отдел ГШ докладную записку с изложением опыта своей работы, заявляя, что совершенно необходимо "ценой каких угодно жертв создание совершенно самостоятельной и твердой организации разведки в масштабах всей империи". В качестве конкретных мер он предлагал в районе Уральской промышленной зоны и на Транссибирской магистрали создать разведывательно- диверсионную сеть для проведения диверсий, террористических актов, сбора разведданных и агитационно-разложенческой работы.

Эти рекомендации легли в основу оперативных планов войны против СССР и возведены ГШ Японии в ранг внешней политики, найдя свое отражение, в частности, в секретных статьях антикоминтерновского пакта, подписанного Германией и Японией 25 ноября 1936 г., которые предусматривали "создание прочной обороны Японии в Маньчжурии и уничтожение русской угрозы с Севера."

Основные направления ударов и зоны предстоящей оккупации были предложены японскими спецслужбами, проводившими тщательное разведывательное освоение будущих ТВД и изучение военно-экономического потенциала СССР. В то же время

японская разведка считала, что успех в войне с СССР вряд ли будет достигнут без предварительных подрывных мероприятий внутри СССР и на международной арене.

Но принятое в 1936 году решение усилить подрывную работу против СССР не увенчалось успехом. В 1945 году бывший начальник ЯВМ в Харбине, Акикуса Сюн, на допросе в Хабаровске показал:"Особенно ярко слабость нашей Харбинской военной миссии выразилась в части сбора информационно-разведывательных сведений о Советском Союзе." Не справилась со своими задачами и контрразведка. На совещании руководителей ЯВМ в Маньчжурии констатировалось, что "контрразведка в Маньчжурии, по сравнению с непроницаемой, как железная стена, контрразведкой СССР, слаба, вернее почти равна нулю". События у озера Хасан и на реке Халхин-гол не только показали военную слабость Японии, но и вскрыли серьезные недостатки в работе разведки, которая, в очередной раз потерпев крах, стала инициатором создания видимости "нормализации" отношений с СССР на дипломатической основе.

В то же время японские спецслужбы развили бурную деятельность на поприще международных политических интриг. Оказавшись в трудном положении на Дальнем Востоке, Япония решилась на очень рискованную политическую игру, целью которой было нейтрализовать СССР, приостановить ухудшение отношений с США, занять равноправную позицию в союзе стран оси, укрепить свой пошатнувшийся престиж на международной арене и решить целый комплекс вопросов экономического обеспечения страны для наращивания агрессии на Тихом океане.

Речь идет о практически неизвестной операции японской разведки по созданию на территории Китая еврейского государства. Непосредственным ее исполнителем стала ЯВМ в Дайрене, которой руководил японский востоковед, путешественник и разведчик Ясуэ Нарихиро, а координаторами были 2-й отдел ГШ и Харбинская ЯВМ, за которыми стояли генеральный штаб и правительство Японии.

И немалую роль в этом сыграл бывший начальник НКВД по Дальневосточному краю Люшков, сын одесского портного и верный соратник Сталина, унеся с собой в могилу тайну подготовки и краха мирных переговоров Японии с США.

"Советского делегата" с почестями принимали в первоклассных отелях Чаньчуня, Дайрэна, Порт-Артура и Токио. Но Люшков, невзирая на теплый прием и круглосуточную охрану, так и не решился почему-то назвать агента НКВД в Маньчжурии "Старика" и резидента Разведупра РККА в Японии "Рамзая" - Рихарда Зорге, а о них он знал не так уж мало... Вернемся к экстренному совещанию японских спецслужб в Чаньчуне, на котором Генрих Люшков с менторскими нотками живописал эпизоды агентурной борьбы НКВД на сопках Маньчжурии.

Сразу же после совещания по всей территории Маньчжоу-Го была проведена операция по ликвидации советской шпионской сети. Однако удалось арестовать только 13 человек. По результатам их допросов и дополнительных сведений от Люшкова японская контрразведка захватила еще около 40 человек. Из 200 агентов советской разведки в японские сети попалось всего 50 второстепенных агентов, что не нанесло ощутимого вреда резидентурам неуловимых "Као" и "Лео".

Немногие знают драматические перипетии борьбы советской и японской разведок в далекие 30-е годы на Дальнем Востоке. Японская разведка делала ставку на русских белоэмигрантов, вербовкой которой она стала усиленно заниматься с 1936 года. По времени это совпало с расширением советских агентурных сетей в Маньчжурии, где "агенты ОГПУ, а затем НКВД назнача-

ли встречи и планировали операции в харбинском кафе "Бомонд" и в ресторане "Яр". До продажи КВЖД в 1935 году все ее служащие периодически задерживались японской контрразведкой как "агенты Коминтерна", а вернувшись на Родину стали "харбинцами", подозревавшимися в японском шпионаже.

НКВД и ЯВМ черпали свои агентурные кадры в мутном болоте русской эмиграции. Неудивительно, что мощный вербовочный натиск с обеих сторон породил неиссякавший поток "двойников", из которых многие становились двойными агентами по несколько раз. Японцы с русским юмором называли таких агентов "обратными редисками", но, памятуя немецкий принцип "нет отбросов - есть кадры", старались их максимально использовать, а ИНО УНКВД и РО ОКДВА, будучи более консервативными, чаще всего отправляли "двойников" по "маршруту N 302", что означало ликвидацию.

Разоблачения бывшего комиссара госбезопасности привели к арестам именно "обратных редисок", хотя он мог взять с собой помимо военных планов и схем карточки оперативного учета закордонной агентуры. Таким образом ИНО УНКВД по ДВК и НКВД СССР избавились от двойников, заставив их "подняться на второй этаж" здания японской контрразведки в Харбине, откуда была прямая дорога в 701-й отряд генерал-лейтенанта Исии Сиро.

Спустя 40 лет Миэда Масаюки вспоминал: "Однако сразу же после бегства Люшкова соответствующие советские органы, предвидя возможные последствия этого для своей агентуры в Маньчжурии, приняли срочные меры по перестройке своей тамошней сети. Поэтому мы не смогли достичь тех результатов, на которые рассчитывали. Кроме того, в конце июля того года начались вооруженные столкновения у высоты Заозерной, и операция по ликвидации шпионов постепенно была свернута. В результате мы упустили резидентов "Као" и "Лео", руководителей советской агентуры".

В ИНО УНКВД по ДВК о бегстве Люшкова точно стало известно спустя месяц, после публикации информационного сообщения военного министерства Японии. Для оповещения закордонных агентов и перестройки разветвленной и многочисленной агентурной сети потребовалось бы соответственно еще 20 дней и два месяца. Никакой критики не выдерживают и аргументы Миэда по поводу "вооруженного столкновения", в ходе которого японские спецслужбы как раз усилили контрразведывательные мероприятия.

Поставив на международном поле карту "советского делегата" Люшкова, советская и японская разведка сыграли на маньчжурском вничью, убрав лишние фигуры и перетасовав колоду. В уставе японской разведки говорилось, что "при выявлении агента-двойника не следует изобличать его открыто и отводить от себя, прилагая все усилия для его перевербовки для обратной дезинформации", но не без помощи Люшкова эта практика не оправдала себя, и ЯВМ была вынуждена признать неэффективность применения такой агентуры. Со своей стороны, органы госбезопасности усилили воспитательную работу в отношении двойников, используя широкий спектр убедительных доводов.

Для вящей убедительности Люшков принимал участие в допросах и пытках арестованных агентов, что, благодаря большому опыту, не составляло для него большого труда, но с самого начала контактов с японской разведки он старался донести до нее военно-политическую информацию "стратегической значимости".

Сталин плохо представлял себе Дальний Восток, и его знания ограничивались компартией Китая, Мао Цзэдуном и Гоминьданом Чан Кайши, которым были подвластны

миллионы людей. В его геополитической схеме Япония была болезненным нарывом на хилом ростке советско-американских отношений, на котором зиждилась будущность союза с Францией и Англией. Поражение России в русско-японской войне 1904-1905 гг. продолжало держать его в страхе перед военной мощью "Страны восходящего солнца", а утонченная хитрость ее европеизированной на германский лад дипломатии постоянно связывала ему руки, мешая на Балканах и Ближнем Востоке, не говоря уже о великих державах.

Сталин не хотел открыто вмешиваться в дальневосточные проблемы с их сложным переплетением интересов США, Англии, Франции и Германии, обеспокоенных материковой экспансией Японии, которая наращивала агрессию в Китае и военно-экономический потенциал Маньчжоу-Го. Но он прекрасно знал, что исход борьбы на Дальнем Востоке будет решать судьбу Европы и всего мира и принял решение. Комиссар госбезопасности III ранга Люшков был прекрасной кандидатурой для выполнения личного задания Сталина. Он не был допущен к высшим политическим секретам, но в то же время его высокий пост в НКВД создавал вокруг него ореол причастности к тайнам Советского государства. Уже одна реакция за рубежом на его побег могла дать обильную пищу для размышлений.

Дальневосточная окраина СССР раздражала Сталина своей слабостью и удаленностью. Столкновение с Японией, чья Квантунская армия стояла на самой границе и бряцала оружием, могло нарушить хрупкий мир в Европе и заставить воевать на два фронта. Для Японии нужно было найти другого врага и одновременно показать ей свою силу. Вот это и должен был сделать комиссар госбезопасности III ранга, начальник УНКВД по ДВК Генрих Самойлович Люшков.

В конце 1932 г. 2-м отделом ГШ была выпущена книга "Боевые действия пехоты против советской армии", известная под названием "Красная книга", для командиров передовых частей японской армии. В августе 1933 г. японской разведкой для высших офицеров было подготовлено "Наставление по ведению боевых действий против советской армии". В них приводились заниженные оценки боевой мощи Красной Армии и подвергалась сомнению эффективность военного строительства в СССР.

Поверхностный подход к оценке СССР резко критиковал сотрудник 2-го отдела ГШ майор Дои Акио, который неоднократно подчеркивал возросшую огневую и бронетанковую мощь Вооруженных Сил СССР, за что получил прозвище "заболевший страхом перед Россией". Тем не менее в 1935 г. Дои был назначен начальником 5-го отделения 2-го отдела ГШ, но и там за ним закрепилась слава "излишне осторожничающего". Но события на озере Хасан и на реке Халхин-гол доказали его правоту.

Бывший офицер 5-го (русского) отдела II (разведывательного) генштаба Японии Коидзуми Коитиро свидетельствует: "В полученной от Люшкова информации нас поразило то, что войска, которые Советский Союз мог сконцентрировать против Японии, обладали, как оказалось, подавляющим превосходством. В тот период, то есть на конец июня 1938 года, наши силы в Корее и Маньчжурии, которые мы могли использовать против Советского Союза, насчитывали всего лишь 9 дивизий. В тыловом резерве у нас находилось 2 дивизии, и 22 дивизии вели боевые действия против Китая. Мы убедились в абсолютной необходимости иметь на советском направлении по крайней мере 19 дивизий, так как имевшихся в наличии 9 дивизий для обороны в случае нападения Советского Союза было совершенно недостаточно..."

Русский отдел разведки генштаба, следуя информации из кожаного баула, пришел к выводу, что Советский Союз может использовать против Японии до 28 стрелковых дивизий, а при необходимости отмобилизовать или перебросить в район боевых действий из других районов страны от 31 до 58 дивизий. К этому следовало прибавить примерно 10 кавалерийских дивизий Монголии и ее внутренние войска, насчитывавшие, по оценке Люшкова, около 50 тысяч солдат и офицеров.

Тревожным выглядело соотношение сил по танкам и самолетам. Против 2000 советских самолетов и 1900 танков Япония могла выставить соответственно лишь 340 и 170. Если ранее японский генштаб полагал, что соотношение сил между СССР и Японией на Дальнем Востоке равнялось 3:1, то после получения целого вороха совершенно секретных сведений от члена военного совета ОКДВА Люшкова это соотношение фактически стало 5:1 и делало неосуществимыми имевшиеся оперативные планы войны против Советского Союза.

Японская разведка казалась в те дни парализованной. Долгие годы накапливавшаяся и тщательно проверявшаяся информация ЯВМ, 2-го отдела штаба Квантунской армии, Исследовательского бюро ЮМЖД и 2-го отдела ГШ в одночасье могла оказаться грудой никчемных бумаг с устаревшими данными и неверными выводами. Над военными операциями в Китае нависла угроза срыва из-за возможного вмешательства СССР. В состоянии шока генштаб Японии был вынужден срочно пересматривать оперативные планы на 1938 год и разрабатывать мероприятия по укреплению обороны.

Информация Люшкова оказалась настолько важной, что в военных кругах Японии на миг забыли о клановых распрях и политических дрязгах. Но только на миг. Агентурная разведка японцев приложила все силы для проверки и перепроверки информации "советского делегата", но так и не смогла окончательно ответить на вопрос о ее подлинности. У японского генштаба осталось одно средство - разведка боем. По иронии судьбы местом "проверки" искренности Люшкова стал посьетский участок границы, где 29 июля 1938 года японо-маньчжурские части предприняли первый штурм высоты Безымянной.

Еще недавно советские историки писали о мужестве героев Хасана, умалчивая о горькой правде "низкой боевой подготовки и недопустимо больших потерь в этом сравнительно небольшом столкновении", говоря бесстрастным языком совершенно секретного приказа N 0040 наркома обороны от 4 сентября 1938 года. Сталинизм сыграл со Сталиным злую шутку. Обескровленная репрессиями армия, в дальневосточных частях которой пик борьбы с "врагами народа" пришелся как раз на начало 1938 года, не смогла дать достойный отпор агрессору и только ценой значительных людских и материальных потерь выполнила свой долг.

Серьезные недостатки и просчеты советского командования в ходе боевых действий и неподготовленность дальневосточного театра военных действий не прошли незамеченными для Японии, которая в 1939 году решила повторить разведку боем на Халхин-Голе. Но здесь она получила решительный отпор. Тем самым Сталин выиграл почти год, заставив Японию сомневаться в собственных силах. Официальные цифры советских потерь на Хасане составили 408 человек убитыми и 2807 ранеными, но еще никто не подсчитал число лежащих в безымянных могилах возле высот Безымянной и Заозерной мобилизованных в ходе инцидента жителей Приморского края.

Доктор исторических наук полковник А.С.Савин пишет: "На Западе знали об антисоветской направленности внешнеполитического курса Японии и ее стратегических планах. Однако в 1938 году

Япония, проводившая наступательные операции в Северном и Центральном Китае, не была готова к нанесению широкомасштабного удара по Транссибирской магистрали в районе Байкала через Монголию. Для подготовки такой операции требовалось время, и поэтому в том же году она спровоцировала военный конфликт в районе озера Хасан, окончившийся ее поражением. Однако японскому руководству удалось показать западным державам серьезность своих намерений, направить удар на север."

Люшков заверил японский генштаб, что "СССР намерен дождаться момента, когда Япония истощит свои силы в борьбе с Китаем, а затем осуществить нападение на нее". Пережив шок от данных своего конфидента из НКВД, японская военщина стала еще больше опасаться возможного вмешательства Советского Союза в войну между Японией и Китаем. Поэтому не ради Запада Япония развязала пограничный конфликт на Хасане. Она опасалась за китайский театр военных действий. Менее всего она хотела убедить западные державы в своих агрессивных намерениях по отношению к СССР. Японская армия хотела знать реальные возможности своего "северного врага".

Собственно, на это и рассчитывал Сталин, посылая к японцам Люшкова. Они поверили его данным, но их реакция, в свою очередь, повергла в шок автора этой интриги. Сталин ожидал всего, но не этой молниеносной разведки боем. Мастер политических провокаций был вынужден срочно заняться укреплением обороноспособности дальневосточных рубежей, приступив прежде всего к новой чистке командного состава ОКДВА. Первой жертвой пал Блюхер.

Хасанские события заставили японцев окончательно поверить Люшкову. Морской генштаб Японии получил дополнительный козырь в спорах с армией о выборе стратегического направления агрессии, победив в конце концов в этой долгой и неравной борьбе. Японский империализм устремился на Юг, а значит, к столкновению с США и Англией. Но армия и генштаб не успокоились, решив в 1939 году еще раз испытать судьбу на Севере, бросив в пекло Халхин-Гола несколько дивизий. Но это уже ничего не решало. За год мировая политика сделала крутой поворот. Миссия Люшкова вошла в свою решающую стадию.

В Хабаровске, на кладбище японских военнопленных, есть могила Ясуэ Нарихиро, бывшего начальника ЯВМ в Дайрэне. Он умер весной 1950 года в возрасте 62 лет в бараке 21-го лагерного пункта Хабаровского лагеря японских военнопленных и был похоронен без всяких почестей, хотя его имя еще при жизни было навечно занесено в "Золотую книгу" еврейского народа и выбито на стене храма в Иерусалиме.

(Продолжение следует).